

18+ Евгений Бузни

Разговор по душам

Размышлизмы о жизни

Евгений Бузни

**Разговор по душам.
Размышлизмы о жизни**

«Издательские решения»

Бузни Е.

Разговор по душам. Размышлизмы о жизни / Е. Бузни —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519414-5

Это книга стихов и поэм о нашей жизни, по сути, является одним произведением, написанным в одном ключе. Читатель невольно задумается обо всём происходящем и, может быть, сделает для себя какие-то выводы, что и хотелось автору.

ISBN 978-5-00-519414-5

© Бузни Е.
© Издательские решения

Содержание

Брату Артемию	6
А.Н.Б.	8
Лет семьдесят семь	9
«Отбурлила юность, отметелила...»	11
К Андрею Вознесенскому	12
Мчатся мазы, язы, кразы...	15
Вопрос к Красной площади	16
И продолжают размышления	17
Роберт Рождественский	18
Несколько слов моему брату	20
И размышления не кончаются	22
Разве не говорил я мастеру слова Вадиму Арбенину...?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Разговор по душам
Размышлизмы о жизни
Евгений Бузни

© Евгений Бузни, 2021

ISBN 978-5-0051-9414-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Брату Артемию

Мне снился сон:
мы выросли из книжки
такой же доброй, как и наша мама,
что нам читала, чтоб мы в люди вышли
и горя всем на свете было мало.

Страницы сказок раскрывались смирно,
нас уводя в страну чудесных снов,
где братец Кролик к Лису скачет с миром,
где нет убийств и нет для них основ.

А что же наяву? На самом деле
всё удивительно наоборот:
клочок земли поделен, переделен.
Миг отдыха на тысячу забот.

Мир разделён на верных и неверных.
Прав для одних – ошибочен другим.
И в параллельность параллелей мы не верим,
и вряд ли правильными делаем круги.

Одно лишь верно – всё идёт к закату,
чуть только зародится на земле.
Не спрашивай – ты в кадре иль за кадром.
Живи, пока навечно не сомлел.

Ты всюду на виду, ты как раз нужен
одной, другой ли, третьей стороне.
Живи, пока ты жизнью той разбужен,
учёный новый или старовер.

У каждого своё предназначенье.
Оно и в генах, и течёт в крови,
но и снега порой за ночь растают,
и шубу не сошьёшь, коль не скроил.

Шить жизнь свою приходится всей жизнью.
И даже в самый свой последний миг
Желанье жить в тебе фонтаном брызжет.
Замолк источник – и фонтан поник.

А я говорю: «Ни черта!
Это ещё не черта,
это ещё не предел.
Хоть волос наш поредел,

хоть голос слегка осип,
хоть много одежд сносил,
но будет ещё пурга
петь нашу песнь труда,
будет ещё в свирель
петь нашу песнь апрель,
будет сверкать гроза
молниями в глазах.

Кони не сбавят прыть.
И нам ещё долго жить.

А.Н.Б.
(Артемию Николаевичу Бузни)

Отзвучал ещё один аккорд.
Ветры над яйлами пролетают.
Журавлей опять поплыли стаи.
Отзвучал ещё один аккорд.

И сильнее, и слабее он,
помогал и сам искал ответа.
В этой гамме музыки и света
и слабее, и сильнее он.
То в ногах берёзы в тишине,
то грохочет барабанным боем,
словно только так играть и стоит...
То в ногах берёзы в тишине.

Отзвучал ещё один аккорд.
Разошлись разливы, переливы,
содрогнулись гнущиеся спины.
Отзвучал ещё один аккорд.

Что оставит Родина себе?
Будет ли он памятью ей вечной?
Или будет вовсе не замечен?
Что оставит Родина себе?

Пожелтел хурмы зелёный плод,
Покраснел,
и вот уже он спеет.
Каждый звук в мелодии важнее,
чем другие...
Отзвучал аккорд.

Лет семьдесят семь

Семь и семь... Да что за счёты?
Кто же знает жизни квоты?
Сто... сто двадцать... Подожди!
Счёты с жизнью впереди.

А над плёсами белесыми
Рыбаки сверкают блеснами.
Что им путаны истории?
Мир без рыбы – это горе им.
Президенты и парламенты...
Нервы струнами натянуты.
А по ним играют войнами,
Не боясь, что только боль от них?

Раскатилась жизнь-красавица.
Доброй песней она славится
И делами неприметными,
пожеланьями, заветами.

Всё исполни, что задумано,
из добра родивши думами.
Семь и семь... года считаем мы.
Эти цифры не слагаемы.

Семь десятков плюс семь порослью.
Никуда от них не скроемся.
Но стучат, как будто молоты,
говоря, что ещё молод ты.

Значит, рано ещё стариться.
Надо с жизнью этой справиться.
Надо силою победною
восходить над всеми бедами.

Над парламентом закупленным,
над запутанными путами.
Над землёй, войной пропитанной,
что отвергнута пиитами.

Семь и семь... Ну, что за счёты?
Кто же знает жизни квоты?
Сто... сто двадцать... Подожди!
Счёты с жизнью впереди.

Две подряд семёрки к счастью.

Значит, прочь от нас ненастья.

«Отбурлила юность, отметелила...»

Отбурлила юность, отметелила.
Словно в стужу сбросив два крыла,
редко вспомнишь:
где ты, оголтелая?
И куда ж ты, юность, уплыла?

А дороги мчат прожекторами,
пяля глаз асфальта в горизонты.
Смертью дышат рокеры и ралли.
Жизнь – пустое слово для кого-то.

О, подлости,
заброшенные в прошлое!
Через какие только не пройдёшь?
Быть честным до конца – мечта хорошая.
А проживёшь?

Прошу прощения
за обращение

*«... Самое дорогое у человека – это жизнь. Она ему даётся один раз,
и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно
прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое...»
Н. Островский*

К Андрею Вознесенскому

Алло, сенсация!
Физкульт-привет!
Шлю стихо-рацией
стихо-портрет.

Простите, Андрей Вознесенский,
если хотите, ответьте.

Я тоже пишу стихи.
У Вас не сдираю ни строчки,
но нравится мне Ваш стиль:
такой размашистый, прочный.

Словно конь, закусив удила,
мчит по пашням,
а Вы, слегка
отклонившись назад,
поводья бросив,
швыряете взгляд
то в зиму, то в осень.

И где ни вздохнёте,
там рифма спадает.
Следующая не напротив,
а где-то подале.

И стих Ваш мечется,
но сквозь него
падает кречетом
конская дробь.
А почему я Вас никогда не видел,
хоть Вы часто бываете в Ялте?
Я в обиде,
но дело не в этом.
Представьте:
мне хочется просто сказать «спасибо!»

за то, что стиль Ваш
размашисто прочный.
Вы точки ставите
предельно точно.

За Вами скачем мы
конём норовистым
путём ухабистым

по сложным прописям.

Но на минуту
глазами открытыми
рванёмся круто
сквозь параллелепипеды,

параллелограммы
стихов Ваших сбитых.
Посмотрим прямо
на то, что закрыто.

Мне кажется, чёртом
влезая в сенсацию,
теряем мы что-то
для всех обязательное.

Пусть форма, пусть рифмы
необыкновенны.
Пусть слон давит рифы
могучим коленом,
и солнце раскатится
смехом занозистым,
пусть это сенсация,
но что-то не сходится.

Коперник смотрел
на людей изумлённо.
Открытие сверх
было сенсационно.

Но он открывал
не ради сенсаций
вращения овал,
вращенье галактик.

Залпом раскатистым
плевала «Аврора»
не ради сенсации,
а ради народа.

Тот выстрел сенсацией
стал вековой.
Жизнь им разрывалась,
рождаясь другою.

Чистому – чистое,
доброму – доброе.
Должно получиться,

чтоб все счастье добыли.

Для этого строчка
сенсационно умело
должна быть точной
с «Авроры» прицелом.
Пусть стих будет пушкой
и бьёт не касательной,
а прямо по душам,
не ради сенсации.

Чтоб он не Озу
заставлял обмозговывать,
а выбил слезу,
чтоб от стресса расковывать.

Чтоб в век технократно-
смертельной опасности
мы не были б ватными
в строках неясности.

Стихом ли тарашиться
в архитектуре
в последнем решающем
сражения туре?

Нам нужно стеною стать
против мерзавцев.
Нам не до сенсаций,
не до сенсаций.

«Самое дорогое у человека...»

Мчатся мазы, язы, кразы...

Мчатся МАЗы, Язы, КРАЗы...
Смерть всем шорохам.
Празднуем,
 празднуем,
 празднуем
тихим похороны.

Безмолвным – делать нечего!
Безмолвным – смерть обеспечена!
Безмолвным – и свет не свет.
Счастья безмолвным нет.

Рисуйте, рисуйте плакаты
привычным уже накатом.
Штампуйте миллион на метр.
Штампуйте во все газеты.

Плакат – от бюрократизма.
Заявка – от замминистра.
И подпись – Плакат получен.
И надпись – Плакат прикручен.

Штампуют мысли плакатами...
А выполнять их надо ли?

Вопрос к Красной площади

Красная площадь – сердце народа,
сердце России, откуда мы родом.
Отсюда мы шли на врагов, если лезли.
Отсюда мы шли на народные съезды.

Красная площадь, как кровь наша красная,
души людей красным духом окрасила.

Красное исстари значит прекрасное
честью и смелостью Пугачёва и Разина,
тех, что родили рабочих Пресни,
поднявших молот под революционные песни.

Красная площадь – ты самая честная.
Сколько героев народ тобой чествовал?
Сколько тобой жить в бессмертье повелено?
Красная площадь – ты площадь Ленина.

Сюда, вырываясь от бурности дней,
приходим впитать необъятность идей,
приходим проверить революционный шаг,
по компасу Ленина крутить земной шар.

Красная площадь – сердце народа,
сердце России, откуда мы родом.
Но что же молчишь ты, Красная площадь,
когда по тебе грязным духом полощут,
когда по тебе загуляли скандалы,
а с ними пришли демократы-вандалы?

И продолжают размышления

Смерчами МАЗы, КРАЗы...
С конвейера унитаза...
В бешеном темпе жизни
на поворотах визги.

А может быть,
только тише,
подарок начальству свыше
в газетку?

А из газет:
«Взяточничеству – наше нет!»
Привет газетам!

Людям шестнадцать лет.
Смотрят на белый свет
вздёрнутыми носами,
растопыренными глазами.

Роберт Рождественский *обращался к парням с поднятыми воротниками:*

Парни,
Не надо стоять с поднятыми воротниками.
Вы на углах улиц ничего не выстоите,
только поразвозите лужи ногами,
ничего не найдёте и умрёте быстро.

Истории самой назначать свидание несподручно.
Многовато всех на одну историю.
Любишь? – Возьми её собственноручно
и веди вперёд за собою.

А то покрепче найдутся парни,
отобьют и поведут в другую сторону.
Историю держать нужно обеими руками,
как девушку милую, самую хорошую.

Помните, стояла Софья Перовская,
на мосту историю свою встречая?
Взмахнула белым платочком просто —
и месть свершилась людей отчаявшихся.

Её товарищи вполне возможно
стояли с поднятыми воротниками,
но каждый из них свою жизнь подытожил.
Все на отлично историю свою знали.

Стояли на углах посты революционные.
Подозревали тогда любого на улице.
Все стоящие на углах в любую минуту готовы были
отдать всего себя за дело революции.

Сейчас история топчется на одном месте:
шаг ступнёт – и поворачивает обратно.
Многим стилижистым на углах
мир кажется неинтересным.
Мы с Вами, Роберт, тоже в этом немножечко виноваты.

Говорим правду, но не полностью.
Не научились до конца рубить.
Ходим по проволоке прямо над подлостью,
с трудом удерживаемся, чтобы не свалиться.

Другие – под проволокой, кто, где может.

Через подлость хотят пройти к коммунизма вышке.
Стоять на углу просто так – это то же,
что идти, увязая в пыли по самые подмышки.

История сама никогда не обманывает.
Обманывают нас лица случайные в ней.
Нужно нам в этом хорошо разобраться.
Учите этому, Роберт, наших парней.

Не успел я этого сказать лично Роберту —
Он ушёл из жизни, не додышав.
Но пусть помнят стилиаги и тот, кто был рокером,
как в знамя красное Роберт гордо дышал.

И всё же я хочу сказать:

Чёрное небо имеет прекрасные звёзды.
Что небо без них?
Представьте себе на минутку:
Огромная пасть кита.
Чёрная бездна. Пропась.
К земле прижимает и давит.
Жутко.

Страх ножом ковыряет сердце.
Лежишь расплющенный.
Земля и ты.
Кругом ни души, кто бы помог согреться,
избавиться от страха и немоты.

Если бы не звёзды – не жить бы людям.
Откуда бы поэты тогда появлялись?
Наплывает на небо облаков серый студень,
пропадают звёзды – поэзия исчезает.

Так и человек со своим характером.
У каждого звёздочки есть свои.
Иногда их не видно, но найти надо,
а не просто с плеча по голове рубить.

Несколько слов моему брату *с которым мы родились в один день*

Мы родились.
Земля страдала болью.
Уже тогда,
в году сороковом,
она нутром предчувствовала бойню
и плакала мычанием коров.

Обрушилось.
Смешалось небо с пеплом.
Не солнце – кровь окрасила закат.
Всё, что родиться к этим дням успело,
крушилось танком, сапогом солдат.

Зачем рождалось?
Чтоб познать печали?
Чтоб мучиться в агонии огня?
Чтоб в пепел бухенвальдскими печами?

Чтоб вечер веру в утро изгонял?

Нет!

Нет!

И нет!

Любовь дана природой,
чтоб человек был счастлив на земле,
чтоб жил, её любя, а не уродуя,
чтоб зверь был дик,
а человек – не зверь.

Но были звери средь людей,
да, были.

И уходила почва из-под ног,
взрывая в небо вместе с тонной пыли
любовь и счастье, и надежды клочок.

Нам повезло – успели переправиться
туда, куда снаряд не долетел.
И в детской памяти прошла эвакуация
лишь голодом шатающихся тел.

Мы выжили.

– Но для чего? – я спрашиваю, —
чтоб небо разрывал, гудя, набат?

Чтобы из космоса ракетой ошарашивало
играющих в лапту моих ребят?

Чтоб всё пропало?
Чтобы всё померкло?
Ушло в туман галактик неземных?
Когда слезы не будет больше терпкой
лишь потому, что никого в живых?

Нет!

Нет!

И нет!

Мы выжили сквозь горе,
сквозь все страдания, плач, несчастий вой,
чтоб, как слюда, прозрачны были зори
и никогда не знали люди войн.

У мира широки луга, спокойны,
но зарыдает вдруг сирены рёв,
и кажется мне, словно перед бойней,
разносится мычание коров.

И размышления не кончаются

Нет, не могу сегодня согласиться,
что не был честным я вчера,
что мыслей праведные ситцы
кроить ещё не начинал.

Лет тридцать я живу в тревоге.
Я словом бил и бью в набат.
Сегодня звуки перестройки
сиреной прежних слов звучат.

Разве не говорил я мастеру слова Вадиму Арбенину...?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.